

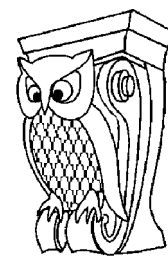


Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 29–39  
*Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 29–39  
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-29-39>

Научная статья  
УДК [316.75:330.858](47+57)|19|

## Концепция «развитого социализма» как ответ СССР на идеологические и социально-экономические вызовы времени (1964–1982)



Ф. Л. Сеницын

Государственный университет по землеустройству, Россия, 105064, г. Москва, ул. Казакова, д. 15

Сеницын Федор Леонидович, доктор исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, [permcavt@gmail.com](mailto:permcavt@gmail.com), <https://orcid.org/0000-0003-2299-204X>

**Аннотация.** В 1960-х гг. советская идеология лицом к лицу столкнулась с серьезными вызовами – как внутренними, так и внешними. Руководство СССР осознавало эти вызовы и приняло решение пересмотреть идеологию, за основу которой была взята концепция «развитого социализма», созданная в соцстранах Восточной Европы. В Советском Союзе эта концепция стала идеологической базой «брежневского» общества и была использована для ответа на внутри- и внешнеполитические вызовы, вставшие перед Советским Союзом. Кроме того, она базировалась на представлении о достижении страной высокой степени развития экономики, достаточного для требований современности, и предполагала перенос завершения строительства коммунизма на неопределенное будущее. Концепция «развитого социализма», принятая в СССР, одновременно имела и прогрессивные черты (попытка привести идеологию в соответствие веляниям времени, учет идеологического опыта других стран, отход от иллюзии быстрого построения коммунизма), и консервативные (возврат к сталинской концепции перехода от социализма к коммунизму), и «утопические» (коммунизм остался как цель). В целом у этой концепции были существенные недостатки, которые препятствовали ее эффективности в долгосрочной перспективе.

**Ключевые слова:** идеология, идеологическая борьба, коммунизм, марксизм-ленинизм, социализм, «развитой социализм», СССР, Л. И. Брежнев, М. А. Суслов

**Для цитирования:** Сеницын Ф. Л. Концепция «развитого социализма» как ответ СССР на идеологические и социально-экономические вызовы времени (1964–1982) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 29–39. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-29-39>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The Concept of 'Developed Socialism' as response of the USSR to ideological and socio-economic challenges of the time (1964–1982)

F. L. Sinityn

State University for Land Use Management, 15 Kazakova St., Moscow 105064, Russia

Fedor L. Sinityn, [permcavt@gmail.com](mailto:permcavt@gmail.com), <https://orcid.org/0000-0003-2299-204X>

**Abstract.** In the 1960s, Soviet ideology came face to face with new challenges and threats, both internal and external. The leadership of the USSR was aware of these challenges and decided to rework the ideology on the basis of the concept of 'Developed Socialism' created in the socialist countries of Eastern Europe. In the Soviet Union, this concept became the ideological basis of the 'Brezhnev's society' and was used to respond to domestic and foreign policy challenges faced by the Soviet Union. In addition, it was based on the idea that the country had achieved a high degree of economic development sufficient for the requirements of modern times, and assumed that the completion of communism would be postponed to an indefinite future. The concept of 'Developed Socialism' adopted in the USSR simultaneously had progressive features (an attempt to bring the ideology in line with the dictates of the time, taking into account the ideological experience of other countries, a departure from the illusion of rapid construction of communism), conservative features (a return to the Stalinist concept of transition from socialism to communism), and 'utopian' features (communism remained as the goal). In general, this ideological concept had significant disadvantages that hindered its effectiveness in the long term perspective.

**Keywords:** Ideology, ideological struggle, Communism, Marxism-Leninism, socialism, 'Developed Socialism', USSR, Leonid Brezhnev, Mikhail Suslov

**For citation:** Sinityn F. L. The Concept of 'Developed Socialism' as response of the USSR to ideological and socio-economic challenges of the time (1964–1982). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 29–39 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-29-39>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)



К 1960-м гг. советская политическая и социально-экономическая система достигла определенной степени зрелости. В течение более чем четырех десятилетий она прошла через последовательные этапы развития, приобрела опыт, избавилась от ряда одиозных характеристик. В Советском Союзе была завершена индустриализация, отмечался рост ВВП и уровня жизни населения. В новой Программе КПСС, принятой в 1961 г., была поставлена задача построения коммунизма к 1980 г.

Однако советская идеология столкнулась с новыми многочисленными внутренними и внешними вызовами. Проблема идеологической реакции властей СССР на них до настоящего времени изучена недостаточно. Концепция «развитого социализма», разработанная и внедренная советскими идеологами в 1960–1970-х гг., иногда рассматривается в публицистике и народной памяти лишь как некое «недоразумение».

Источниковая база исследования, результаты которого приведены в настоящей статье, включает в себя опубликованные материалы и неопубликованные документы, выявленные автором в федеральных и ведомственных архивах.

В 1960-х гг. в «идеологическом сознании» советского общества проявились изменения, вышедшие из-под «партийного влияния и контроля»<sup>1</sup>, вследствие чего «идейно-политическая» ситуация в стране усложнилась<sup>2</sup>. Десакрализация власти, ставшая реальностью после XX съезда КПСС, привела и к снижению авторитета советской идеологии. Кроме того, воздействие на «идеологическое сознание» советских людей оказывали идеи «научно-технической революции» (НТР) и «конвергенции», которые породили у некоторых граждан впечатление, что прогресс в СССР был «связан отнюдь не с социалистическим общественным строем, а с общими закономерностями индустриального общества», и «что социализм в общем социальное не так уж отличается от капитализма»<sup>3</sup>. Наконец, внутренние угрозы для советской идеологии включали в себя усиление в СССР националистических проявлений (власти также связывали это с «обострением идеологической борьбы») и сохранявшуюся, несмотря на длительную борьбу с религией, остроту «религиозного вопроса»<sup>4</sup>.

В результате, во-первых, возникла опасная для советской системы тенденция к «деидеологизации» общества, которая выражалась в стремлении части людей к «аполитизму, социальному нейтралитету, беспартийности», а также к «либерализму, свободе»<sup>5</sup>; во-вторых, в некоторых кругах советского общества стало циркулировать мнение о необходимости ревизии, модернизации советской идеологии, поиска ее новой модели<sup>6</sup>.

В 1950-х гг. внешнеполитический авторитет СССР, в том числе в сфере идеологии, претерпел серьезную эрозию. В середине 1960-х гг. произошло дальнейшее его падение<sup>7</sup>, которое

отразилось на позициях коммунистического движения во всем мире<sup>8</sup>. В соцстранах стали ярче проявляться идеологические противоречия с Советским Союзом<sup>9</sup>, в некоторых из них делался упор на «разнообразие форм строительства социализма»<sup>10</sup>. Наметились тенденции к «деидеологизации»<sup>11</sup>, восприятию идей «конвергенции»<sup>12</sup> и НТР<sup>13</sup>, а также и обратный уклон – «левацкие», «сверхкоммунистические» настроения<sup>14</sup>, которые, с точки зрения советской идеологии, были неприемлемыми.

В Восточной Европе наиболее опасной для советской идеологии стала «чехословацкая модель», которая базировалась в том числе на преемственности с идеями первого президента Чехословакии Т. Г. Масарика о «социальном социализме», а не с советской идеологией. «Экстремумом» развития этой модели стала «Пражская весна» 1968 г., события которой сопровождалась резким падением авторитета марксизма-ленинизма и ростом «социал-демократизации» Чехословакии<sup>15</sup>. Как известно, эти события закончились силовым подавлением. В августе 1968 г. в страну были введены войска стран-участниц Варшавского договора во главе с СССР.

В мировом масштабе одна из основных проблем, исходивших из соцстран, состояла в том, что ведущую роль в коммунистической идеологии у Советского Союза пытался отнять Китай. Как известно, китайский вариант социализма строился на представлении о том, что «идеи Мао Цзэдуна – это марксизм-ленинизм самого высокого уровня»<sup>16</sup>, «марксизм-ленинизм современной эпохи». В свою очередь, советскую идеологию КПК объявила «ревизионистской»<sup>17</sup>. Китай пытался перетянуть на свою сторону другие соцстраны и компартии капстран.

«Идеологическая опасность» для СССР исходила также от компартий капиталистических стран. Во-первых, среди коммунистов стран Запада снизился авторитет СССР и советской идеологии. Во-вторых, у некоторых марксистов и социалистов на Западе было свое видение строительства социализма в высокоразвитых странах, в связи с чем они утверждали о неприменимости советского опыта для стран Запада<sup>18</sup>. В-третьих, некоторые компартии капстран не только снизили свою «революционность» и перешли к политике поддержки «структурных реформ» и «мирной революции»<sup>19</sup> (это не вызывало протеста со стороны КПСС), но и допускали в условиях социализма возможность многопартийной системы, отказывались от «диктатуры пролетариата». Опасной для СССР была «идеологическая конвергенция» среди западных коммунистов, которая проявлялась в том числе в «соглашательстве» с социал-демократами и другими политическими силами<sup>20</sup>. В то же время неприемлемым был и обратный, «левый» уклон, связанный с усилением среди части западных коммунистов «ультрарево-



люционных» настроений, которые рассматривались в СССР как «авантюризм»<sup>21</sup>.

Ситуация была осложнена идеологически-ми исканиями ряда стран соцлагеря, где была разработана своя концепция текущего исторического этапа развития, который получил название «развитый социализм». Этот термин был введен в оборот в июне 1960 г. на пленуме ЦК Компартии Чехословакии, а затем был принят в правящих партиях ГДР, Венгрии и Болгарии<sup>22</sup> (характерно, что возникшие в соцстранах реформистские движения частично базировались на концепции «развитого социализма»<sup>23</sup>).

Одним из главных очагов разработки новой идеологической концепции «развитого социализма», наряду с Чехословакией, была ГДР, которая хотя и оставалась ближайшей союзницей СССР, однако вела в идеологическом аспекте достаточно самостоятельную политику. Так, именно в ГДР был поднят вопрос об отдалении строительства коммунизма, о чем руководитель этой страны В. Ульбрихт сообщил Л. И. Брежневу в сентябре 1966 г.<sup>24</sup> ГДР была первой страной социалистического блока, заявившей о развернутом строительстве «развитого социализма»<sup>25</sup>, которое было поставлено в идеологии этой страны «на передний план»<sup>26</sup>. В апреле 1968 г. в ГДР была принята первая конституция «развитого социализма»<sup>27</sup>.

Кроме того, в ГДР осуществили ревизию определения социализма, данного самим К. Марксом, представив его как «относительно самостоятельную социально-экономическую формацию в исторической эпохе перехода от капитализма к коммунизму во всемирном масштабе»<sup>28</sup>. В сентябре 1967 г. В. Ульбрихт рекомендовал Л. И. Брежневу, чтобы в СССР «еще раз обсудили вопрос о характеристике этапа социализма»<sup>29</sup>. Лидер ГДР полагал, что надо «растянуть» период социализма, чтобы позволить ему победить во всем мире еще до строительства коммунизма<sup>30</sup>. Такая концепция противоречила курсу СССР на строительство коммунизма в одной стране, принятому при Н. С. Хрущеве. В конце 1960-х гг. ГДР стала претендовать на исключительное положение в соцлагере, в том числе в сфере идеологии. В. Ульбрихт считал, что он лично и СЕПП – это ведущие источники оригинальной мысли о «развитом социализме»<sup>31</sup>.

В послевоенные годы ввиду усиления «коммунистической опасности» – расширения соцлагеря – власти и элита капстран приняли меры по снижению популярности коммунистической идеологии. Их стратегия заключалась во внедрении идеи «социального компромисса вместо социальной революции». В Западной Европе происходила «социал-демократизация». Некоторые теоретики социал-демократии представляли социализм и коммунизм как альтернативные, исключающие друг друга пути развития<sup>32</sup>.

В социальной сфере вызовом для советской идеологии стала западная концепция «государства всеобщего благосостояния» («социального государства»), пик реализации которой пришелся на начало 1960 – середину 1970-х гг. Важно отметить, что эта концепция возникла на Западе в том числе как реакция на успехи социальной политики СССР<sup>33</sup>. В итоге реализации политики «государства всеобщего благосостояния» к 1960-м гг. во многих капстранах классовые различия сгладились<sup>34</sup>, а рост благосостояния народа привел к усилению легитимности власти<sup>35</sup>.

В целом эти новации, а также распространение НТР вели к деидеологизации общественного сознания и снижению массовой революционности в капстранах<sup>36</sup> (хотя, разумеется, оставались отдельные радикально настроенные группы, о чем свидетельствуют, например, известные события на Западе в 1968 г.). Поддержка массовой деидеологизации имела место даже среди западных марксистов<sup>37</sup>.

Руководство СССР осознавало вызовы для советской идеологии, возникшие в стране и мире. На заседании Политбюро ЦК КПСС 10 ноября 1966 г. было объявлено, что недостатки и ошибки в идеологической работе «начинают все больше и больше чувствоваться», «не могут не вызывать серьезной тревоги». Был также констатирован «провал в теории» марксизма-ленинизма<sup>38</sup>.

Положение в соцстранах и компартиях капстран, разумеется, было очень важным для СССР. На упомянутом заседании Политбюро ЦК КПСС Ю. В. Андропов заявил, что критику провалов в идеологии «за нами повторяют в социалистических странах, и не только повторяют – наши враги используют это против нас»<sup>39</sup>. В 1971 г. на совещании в верхах было отмечено, что идеологические вызовы со стороны зарубежных компартий привели к серьезному «расшатыванию» позиций СССР<sup>40</sup>.

Несомненно, в СССР были осознаны экономические и социально-политические достижения стран Запада. Хотя опыт капстран предлагали использовать не только советские дипломаты<sup>41</sup>, но и представители руководства СССР (в частности, при разработке Конституции СССР 1977 г.)<sup>42</sup>, в то же время в Советском Союзе видели в западной модели «государства благосостояния» «реальную угрозу ликвидации демократических завоеваний рабочего класса» из-за того, что эта модель формировала «иллюзии о возможности справедливого распределения в условиях капитализма»<sup>43</sup> и тем самым подрывала авторитет советской политической и социально-экономической модели.

Таким образом, в середине 1960-х гг. насущной задачей для властей СССР стал поиск нового варианта идеологии, который бы обобщил итоги развития страны, подвел теоретическое обоснование под ее текущее состояние и одновременно дал ответ на ставшие актуальными



к 1960-м гг. внутри- и внешнеполитические вызовы. Л. И. Брежнев в первую половину своего правления был склонен к новациям и поэтому одобрил «переработку» идеологии. Состоявшиеся в марте и апреле 1966 г. Пленум ЦК КПСС и XXIII съезд КПСС ориентировали советских ученых на переосмысление процессов, протекавших в обществе<sup>44</sup>. Л. И. Брежнев писал в Политбюро в июле 1966 г., что необходим «подъем теоретической работы», «напряженная творческая работа в области марксистской теории», которой «пока еще нет»<sup>45</sup>.

«Переработка» идеологии осуществлялась силами ведущих советских философов и обществоведов, среди которых были А. П. Бутенко, Г. Е. Глезерман, Р. И. Косолапов, П. Н. Федосеев, Г. Х. Шахназаров, а также другие ученые из Академии общественных наук и Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Кроме того, в разработке и продвижении новой концепции идеологии свою роль сыграл член Политбюро ЦК КПСС, «главный идеолог партии» М. А. Суслов<sup>46</sup>.

За основу «переработки» идеологии была взята концепция «развитого социализма», разработанная в соцстранах Восточной Европы (о чем ранее было сказано в настоящей статье). Относительно текущей стадии развития СССР в документах XXIII съезда КПСС (март–апрель 1966 г.) стали фигурировать термины «зрелый социализм», «полное построение социализма». В эти годы и впоследствии употреблялись также термины «победа социализма», «окончательная победа социализма», «построенный социализм» и др.<sup>47</sup> Кроме того, для определения текущей стадии развития СССР в первые годы формирования новой идеологической концепции использовались и другие варианты этого понятия: «полностью построенный социализм», «всесторонне развитый социализм», «развитая общественная система социализма». Для характеристики общества, в котором «сложились основы социализма», применялись термины «построен социализм в основном», «полное социалистическое общество»<sup>48</sup>.

Одной из первых советских публикаций, в которой прозвучало окончательно принятое название новой идеологической концепции, была статья Ф. М. Бурлацкого, опубликованная 21 декабря 1966 г. в «Правде» под названием «О строительстве развитого социалистического общества». В ней были проанализированы новые идеологические веяния в странах Восточной Европы, на которые и стали опираться советские теоретики.

Острым при разработке новой концепции идеологии был вопрос о ее преемственности с идеями «классиков» марксизма-ленинизма. Ведь была очевидной опасность подрыва идеологии в связи с введением еще одного этапа

развития человеческого общества. Многие советские философы считали, что противоречий с идеями «основоположников» здесь нет. Кроме того, Г. Е. Глезерман и А. П. Бутенко полагали, что необходимо опираться на текущие исторические условия, а не на те, которые существовали во времена К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина<sup>49</sup>, и говорили об изменении самого содержания социализма на протяжении XX в.<sup>50</sup> Однако у концепции «развитого социализма» в СССР были и оппоненты – некоторые «ортодоксальные» марксисты считали, «что введение этого понятия является чуть ли не отступлением от принципиальных позиций марксизма-ленинизма»<sup>51</sup>. Среди советских ученых развернулись дискуссии<sup>52</sup>, в ходе которых они пришли к более-менее общепринятому консенсусу, что в трактовке «основоположников» социализм представал как общество, «постоянно меняющееся и прогрессирующее», а коммунизм – как «немонолитный» этап, имеющий отдельные «ступени экономической зрелости»<sup>53</sup>.

В итоге концепция «развитого социализма» была одобрена и утверждена советским руководством. В ноябре 1967 г. в докладе по случаю 50-летней годовщины Октябрьской революции Л. И. Брежнев объявил о построении в СССР «развитого социалистического общества». В материалах XXIV съезда КПСС (март–апрель 1971 г.) новая идеология была закреплена официально. Началась подготовка новой Программы партии, в которой предполагалось описание «развитого социалистического общества»<sup>54</sup>.

Определение «развитого социализма», разработанное в конце 1960-х гг., было в некоторой степени расплывчатым. Л. И. Брежнев в ноябре 1967 г. дал следующую формулировку: «Развитое социалистическое общество, построенное в нашей стране, – это общество, где господствует принцип “От каждого – по способностям, каждому – по труду” и где «социалистические производственные отношения обеспечивают планомерное, устойчивое развитие всего народного хозяйства на современном техническом уровне»<sup>55</sup>. Тем не менее, несмотря на свою явную недоработанность, концепция «развитого социализма» была использована для ответа на внутренние и внешние вызовы, вставшие перед Советским Союзом.

В первую очередь сама по себе разработка новой концепции идеологии была ответом на вызов «деидеологизации». Власти стремились вдохнуть новую жизнь в марксизм-ленинизм, модернизировать его и заново «заинтересовать» в нем народ – особенно интеллигенцию.

Вместе с тем ответом на падение авторитета советской идеологии внутри страны и за рубежом был упор на «ленинские основы» в политике и актуальность ленинского учения для



всего мира (был сделан расчет на сохранение «сакральности» личности В. И. Ленина)<sup>56</sup>. В оценке исторической роли И. В. Сталина, разоблачение культа личности которого стало главным триггером десакрализации власти и идеологии в СССР, власти пытались искать баланс.

«Повышение руководящей роли Коммунистической партии», которое выдвигалось как одна из характеристик этапа «развитого социализма»<sup>57</sup>, также было ответом на десакрализацию власти. Кроме того, этим была дана отповедь «ревизионистам» в соцстранах и компартиях Запада о неприемлемости плюрализма и многопартийности. В Конституцию СССР 1977 г. была введена статья 6, гласившая о «руководящей и направляющей» роли КПСС.

Ответом на повышение роли интеллигенции в стране и на веяния о ненужности «диктатуры пролетариата», шедшие с Запада, было провозглашение в СССР «общенародного государства»<sup>58</sup>, что фактически признавало интеллигенцию «равной» основным стратам советского общества – рабочим и крестьянам. Признанием «достойной» роли интеллигенции концепция «развитого социализма» давала также отпор и вызову «технократии».

Перенос завершения строительства коммунизма на неопределенное будущее устранял проблему «хрущевского наследия» в идеологии. С другой стороны, сохранение этой цели в принципе и объявление «развитого социализма» ступенью на пути к коммунизму стало отповедью на заявления западных социал-демократов о том, что социализм и коммунизм – это альтернативные, исключаящие друг друга пути развития.

В то же время концепция «развитого социализма» давала свой ответ на вызов «научно-технической революции», которая, в отличие от многих других новых веяний (конвергенция, технократия и пр.), была положительно воспринята в СССР<sup>59</sup>, заняв важное место в новой концепции идеологии<sup>60</sup> как одна из основ развития экономики.

Ответ концепции «развитого социализма» на «негативные проявления» в советском обществе заключался в провозглашении формирования в стране «нового человека», который будет иметь более высокий уровень «сознательности»<sup>61</sup>. Советские ученые утверждали, что в СССР уже «возникла новая историческая общность людей – советский народ»<sup>62</sup>, т. е. политическая нация, формирование которой должно было сгладить межэтнические противоречия. Кроме того, была еще раз поставлена задача «обеспечить условия для повсеместного утверждения научного мировоззрения... в сознании трудящихся»<sup>63</sup>, что должно было привести к окончательной победе над религиозными и другими «неприемлемыми» воззрениями.

Внешнеполитический ответ концепции «развитого социализма» состоял в том, что в ней, во-первых, были отвергнуты «альтернативные» варианты марксизма-ленинизма и «модели социализма»<sup>64</sup>. Легитимации неприемлемости таких идеологических «альтернатив» было посвящено в том числе созданное в 1969 г. в Москве Международное совещание коммунистических и рабочих партий. В начале 1970-х гг. была развернута программа по активному продвижению новой концепции советской идеологии за рубежом, в том числе под эгидой АОН при ЦК КПСС и журнала «Проблемы мира и социализма», издававшегося в Праге.

Во-вторых, было оказано мягкое противодействие «идеологическим исканиям» ГДР. Идеи восточногерманских ученых не были категорически отвергнуты, их пригласили к диалогу, однако советская сторона продавливала свой подход<sup>65</sup>. В 1971 г. при поддержке СССР был отправлен в отставку лидер ГДР В. Ульбрихт. Одной из причин, которые ускорили этот шаг, были новации восточногерманского руководителя в сфере идеологии<sup>66</sup>.

В-третьих, ответом на идеологические вызовы, которые исходили от компартий капстран, была жесткая критика их «ревизионистской» позиции<sup>67</sup>. Однако в остальном советский ответ был построен на компромиссе. Признавалось, что путь разных стран к социализму – тоже разный, хотя и должен оставаться в рамках марксизма-ленинизма<sup>68</sup>.

В-четвертых, «социал-демократизация» стран Запада рассматривалась как неприемлемое явление<sup>69</sup>, были раскритикованы идеи «социального компромисса вместо социальной революции»<sup>70</sup>, концепция «государства всеобщего благосостояния»<sup>71</sup>, «теория конвергенции» и реализация «научно-технической революции» в капстранах.

Власти СССР констатировали успех новой идеологии. М. А. Сулов в 1968 г. заявил, что советские люди «теперь яснее представляют, по какому пути... идти к коммунизму»<sup>72</sup>. В 1971 г. на совещании, проведенном в преддверии XXIV съезда КПСС, Л. И. Брежнев отметил, что «народ наш убедился в правильности нашего учения, в правильности пути, по которому партия его ведет». Руководитель страны подчеркнул, что экономические успехи СССР были достигнуты в том числе с помощью правильно сформулированной идеологии. Ситуацию во внешней политике Л. И. Брежнев обрисовал как «борьбу идеологических фронтов», в которой СССР «за последние годы... выдержал немало испытаний»<sup>73</sup>.

В Советском Союзе с удовлетворением отмечали, что компартии ряда соцстран тоже поставили задачу формирования «развитого социалистического общества» (при этом не было возражений, что данный процесс в разных



странах может идти по-разному)<sup>74</sup>. В 1969 г. на Совещании представителей коммунистических и рабочих партий Л. И. Брежнев заявил, что во всем «соцлагере» социализм становится «более зрелым»<sup>75</sup>.

Одновременно с внедрением концепции «развитого социализма» власти СССР констатировали успехи в борьбе с другими идеологическими исканиями в странах «соцлагеря». По мнению советского руководства, на Совещании 1969 г. была «закреплена» линия КПСС и ряда других компартий на подавление реформизма в Чехословакии, внешнеполитический курс Китая и «его расколывающая политика встретили решительный отпор», был косвенно осужден «мелкобуржуазный» курс ряда компартий стран Запада<sup>76</sup>.

По замыслу властей внешнеполитическое продвижение советской идеологии работало также на повышение авторитета КПСС среди населения Советского Союза. После Совещания 1969 г. ЦК партии рекомендовал местным партийным органам «провести пленумы или собрания коммунистов с обсуждением итогов» этого мероприятия, а также распространить его материалы через печать, радио, телевидение, лекции<sup>77</sup>.

Тем не менее, несмотря на официальное введение концепции «развитого социализма» в советскую идеологию, к началу 1970-х гг. ученые из СССР и соцстран не смогли достигнуть четкости формулирования этой концепции. Среди них продолжали бытовать разные подходы относительно того, что представляет собой «развитое социалистическое общество»<sup>78</sup> (не было ясности в этом вопросе даже в Высшей партийной школе при ЦК КПСС<sup>79</sup>). Такая ситуация для властей была недопустимой (так, в 1971 г. секретарь ЦК КПСС П. Н. Демичев подчеркивал важность «точности идеологии»<sup>80</sup>), поэтому и после провозглашения достижения стадии «развитого социализма» советские лидеры побуждали ученых продолжать разработку четких формулировок этой концепции<sup>81</sup>.

В начале 1970-х гг. определение «развитой социализм» было дополнительно проработано. Е. П. Ситковский сформулировал следующие характеристики «развитого социалистического общества»: его внутренняя устойчивость (достигнутая в СССР) и то, что при «развитом социализме» «обеспечено и начинается движение вперед к построению высшей фазы – коммунизма»<sup>82</sup>. Г. Е. Глезерман отмечал, что в «развитом социалистическом обществе» есть «соответствие между степенью развития различных сторон его жизни: материально-технической базы, экономики, духовной жизни, общественных отношений, политического строя»<sup>83</sup>. А. П. Бутенко описал «развитой социализм» фактически через тавтологию («развитой социализм – это... социалистическое общество, достигшее определенной ступени

своей зрелости, а именно ставшее развитым»<sup>84</sup>). Новое определение «развитого социализма» дал в своей речи в 1977 г. Л. И. Брежнев: это «Такая ступень, такая стадия зрелости нового общества, когда завершается перестройка всей совокупности общественных отношений на внутренне присущих социализму коллективистских началах»<sup>85</sup>.

Однако в итоге философы и обществоведы из СССР и других соцстран не смогли достичь четкости определения «развитого социализма». Болгарский ученый В. Добрянов сетовал, что «очень трудно дать краткую характеристику развитого социалистического общества»<sup>86</sup>. Вопрос периодизации не только коммунизма, но и «развитого социализма» не был окончательно решен<sup>87</sup>. Новая Программа КПСС, в которую должна была войти концепция «развитого социализма», при Л. И. Брежневе так и не была принята.

Тем не менее тезис о наличии в СССР «развитого социалистического общества» звучал постоянно. Важным этапом официального закрепления «развитого социализма» в идеологии стала Конституция СССР 1977 г., преамбула которой гласила, что «в СССР построено развитое социалистическое общество» как «закономерный этап на пути к коммунизму».

Продвижение советской идеологии продолжалось и на «внешнеполитическом фронте» – в том числе, не прекращалось идеологическое противостояние с Китаем и странами Запада. В то же время ответ на «социал-демократизацию» капстран стал в некоторых аспектах более мягким<sup>88</sup>. Очевидно, советские идеологи осознали, что позиция компартий на Западе не так сильна, и в борьбе с «империализмом» необходимо искать поддержку у гораздо более мощных социал-демократов.

В 1979 г. М. А. Суслов констатировал успехи советской идеологии на «внешнеполитическом фронте», хотя и подчеркивал, что «идеологическая опасность» остается, так как продолжают «бешеные нападки на марксизм-ленинизм», направленные в том числе «на дискредитацию опыта и достижений реального социализма»<sup>89</sup>.

В период правления преемников Л. И. Брежнева концепция «развитого социализма» подверглась некоторой ревизии в сторону еще большего «отодвигания» строительства коммунизма. В постановлении ЦК КПСС от 31 марта 1983 г., докладе К. У. Черненко и речи Ю. В. Андропова на Пленуме ЦК КПСС в июне 1983 г. был сделан вывод о том, что советское общество находится лишь в начале этапа «развитого социализма»<sup>90</sup>. В итоге, хотя в 1986 г. концепция «развитого социализма» была введена в Программу КПСС, по мере развития перестройки она окончательно потеряла свое значение.

Таким образом, концепция «развитого социализма» стала идеологической базой «бреж-



невского» общества. Она одновременно имела и прогрессивные черты (попытка привести идеологию в соответствие велениям времени, учет идеологического опыта других стран, отход от иллюзии быстрого построения коммунизма), и консервативные (возврат к сталинской концепции перехода от социализма к коммунизму – в 1952 г. И. В. Сталин заявил, что для того, чтобы подготовить действительный, а не декларативный переход к коммунизму, Советскому Союзу необходимо достигнуть значительно больших высот развития<sup>91</sup>), и «утопические» (коммунизм остался как цель).

Сильными сторонами этой концепции было то, что она возвращала в «реальность» путем отказа от утопического плана строительства коммунизма к 1980 г., провозглашенного Н. С. Хрущевым. Переработка идеологии закрыла вопрос «выхода» из социализма и его дальнейшей судьбы. Фактически было указано, что, кроме социализма, который способен развиваться и достигать новых ступеней, никакой другой системы пока и не нужно.

Кроме того, концепция «развитого социализма» в определенной степени восстанавливала авторитет власти (в первую очередь самим фактом, что КПСС оказалась способной разработать эту концепцию) и идеологии. По замыслу творцов концепции «развитого социализма», именно такой – консервативный – поворот в идеологии («научная» попытка объяснить и обосновать текущее состояние СССР и других соцстран, опора на авторитет личности и теоретического наследия В. И. Ленина, который сохранял «сакральность», сдерживание «левацких» порывов и пр.) мог стать заслоном против внутренних и внешних вызовов, актуальных для 1960-х и 1970-х гг.

Новая идеологическая концепция также помогла смягчить «метания» в оценке советского прошлого. С одной стороны, обозначился отход от репрессивной политики, что должно было «успокоить» советское общество и настроить его на созидательную волну. В то же время была мягко восстановлена роль И. В. Сталина в достижении победы в Великой Отечественной войне и других успехах страны 1920 – начала 1950-х гг. Это должно было помочь в преодолении раскола общества, произошедшего после XX съезда КПСС.

Введение в концепцию «развитого социализма» понятий «общенародное государство» и «социалистическая демократия» ознаменовало мягкий отход от диктатуры пролетариата и классовой борьбы. Такой подход должен был оказать влияние и на интеллигенцию в СССР, и на соцстраны, и на компартии капстран. Вместе с тем опора концепции «развитого социализма» на НТР, по замыслу творцов этой концепции, должна была привести советскую идеологию в соответствие велениям времени и прогресса,

а также вернуть интеллигенцию в лоно советской идеологии.

Наконец, базирование концепции «развитого социализма» на оценке степени развития экономики дала некий ответ на проблему роста уровня жизни и переход к «обществу потребления» в СССР и других соцстранах.

Эффективность советских идеологических изысканий была противоречивой. Внутри страны концепция «развитого социализма» смогла в краткосрочном плане смягчить ряд проблем, о чем было сказано выше. На «внешнеполитическом фронте» также имели место некоторые успехи. В начале 1970-х гг. многие соцстраны оценивали ситуацию у себя в рамках концепции «развитого социализма»<sup>92</sup>, а их идеологи отвергли теории «конвергенции», «индустриального общества», «рыночного социализма», признали «недопустимость» технократии<sup>93</sup>. В этот период большинство соцстран демонстрировали лояльность Советскому Союзу, а Китай не достиг успехов в «переманивании» их (Албания, которая после разрыва с Советским Союзом поддерживала дружественные отношения с Китаем, в 1978 г. разорвала их), а также основной массы коммунистов в капстранах на свою сторону.

В то же время концепция «развитого социализма» имела существенные недостатки. В первую очередь из-за того, что достижение коммунизма было отложено на неопределенный период, граждан СССР фактически лишили надежды на «светлое будущее», о котором мечтали несколько поколений. Этим в какой-то степени была подорвана вера в коммунизм, на которой изначально держалась вся советская система.

Содержание же самой концепции «развитого социализма» так и осталось расплывчатым и малопонятным народу. Таким образом, «идеологический вакуум», возникший в результате отказа от достижения коммунизма в обозримом будущем, не удалось заполнить в достаточной степени, что привело к «истощению» идеологии.

Следует сделать вывод о мягкой «деидеологизации» советской идеологии (как бы противоречиво это ни звучало), которая, очевидно, произошла помимо желания властей. В концепции «развитого социализма» упор был сделан на уровень развития экономики, а не сознания («сознательности»), а также на безыдеологическую «научно-техническую революцию» (характерно, что советские теоретики сознавали, что НТР может подмять под себя идеологию<sup>94</sup>, тем более, что она вкупе с ростом благосостояния уже способствовала «деидеологизации» общественного сознания на Западе).

Идеология в целом занимала не самое важное место в политической деятельности Л. И. Брежнева. Судя по повестке пленумов ЦК и съездов КПСС, гораздо важнее для него были экономика и международные отношения. Л. И. Брежнев пытался найти баланс между



идеологией, которая явно сдавала позиции в наиболее развитых странах мира, включая СССР, и экономикой, которая приобретала все большую значимость в условиях формирования «общества благосостояния» и «массового потребления». Уклон в экономику проявился до такой степени, что в январе 1971 г. в преддверии XXIV съезда партии заведующий Отделом науки и высших учебных заведений ЦК КПСС С. П. Трапезников был вынужден просить Л. И. Брежнева «взять под защиту дело идеологии» и «сильно сказать» об этом на съезде (на что советский лидер несколько раздраженно ответил: «Просить меня защищать идеологию – нечего» и подчеркнул, что он понимает, что «недугам идеологии» надо дать «должный отпор»)<sup>95</sup>.

В определенной степени в деидеологизации жизни в СССР была заинтересована сама правящая элита страны («номенклатура»), которая к 1970 г. по многим причинам уже не была искренне привержена идеям коммунизма и практически открыто склонялась к принятию «капиталистических» ценностей.

Нужно иметь в виду, что «повышение руководящей роли Коммунистической партии» вплоть до введения в 1977 г. пресловутой «шестой статьи» в Конституцию СССР означало фактическое крушение надежд на глубокую демократизацию страны. Кроме того, несмотря на все заявления о том, что репрессии остались в прошлом, это было не так. П. Н. Демичев подчеркивал, что невозможно, «отменив все административные нормы, суровые драконовские законы, управлять обществом в нашей сложной, многонациональной стране», а ведущий советский идеолог Г. Л. Смирнов прямо указывал на необходимость «применения методов насилия»<sup>96</sup>. На практике такие меры применялись и по отношению к идеологическим противникам советского режима.

Однако концепция «развитого социализма» в итоге так и не дала адекватный ответ на рост роли интеллигенции и «технократических» настроений. Хотя Г. Х. Шахназаров подчеркивал, что в СССР нет «отрицания растущей роли специалистов»<sup>97</sup>, от ленинско-сталинского подхода к роли интеллигенции и педалирования «руководящей роли рабочего класса» в СССР не отказались (в чем также проявился консерватизм концепции «развитого социализма»). Часть интеллигенции все больше отходила от советской идеологии и склонялась к «диссидентству», что ярко дало свои плоды в период перестройки.

Указание на формирование в СССР общегражданской идентичности «советского народа», безусловно, содержало значительное преувеличение, что показали события второй половины 1980-х гг., когда межэтнические конфликты, сепаратистские движения развернулись почти во всех республиках СССР. Не удалось внедрить в массы и «научное» мышление, что показало

возрождение религии, начавшееся в годы перестройки.

Тем не менее недовольство советской политикой в соцстранах так или иначе продолжало зреть. Так, позицию СССР по событиям в Чехословакии в 1968 г. не поддержала Румыния. «Оппозиционность» с ее стороны продолжалась и далее, ярко проявившись по поводу ввода советских войск в Афганистан в 1979 г. С начала 1970-х гг. под руководством независимого профсоюза «Солидарность» разгорелись антиправительственные события в Польше, которые достигли своего пика в 1980 г. Они показали, что лояльность со стороны соцстран – вещь весьма зыбкая. Кроме того, новая концепция советской идеологии не повлияла на политику Китая. Разработанная в КНР в конце 1970-х гг. доктрина «трех миров»<sup>98</sup> углубила китайско-советское идеологическое противостояние.

Причины долгосрочной неэффективности новой концепции советской идеологии в «соцлагере» состояли в первую очередь в том, что развитые соцстраны (прежде всего ГДР и Чехословакия) не желали использовать опыт СССР как наследника «слаборазвитой» России. Многие соцстраны до второй половины 1940-х гг. имели опыт демократического правления и либеральные настроения среди их населения сохранялись. ГДР, в свою очередь, ощущала себя наследницей К. Маркса и старой немецкой коммунистической традиции, что как бы давало ей право на самостоятельную трактовку марксизма. Кроме того, играла свою роль сложная история отношений СССР (России) с большинством стран Восточной Европы. На Китай концепция «развитого социализма» («ревизионизм» с китайской точки зрения), очевидно, не могла оказать нужного для СССР воздействия. И наконец, были экономические причины – в условиях роста популярности в соцстранах концепции «общества благосостояния» идеология неумолимо стала терять свою значимость в пользу «материальной» составляющей жизни.

Следует иметь в виду, что компромисс, на котором был построен советский ответ на идеологический вызов со стороны компартий стран Запада (признание возможности «своего пути» к социализму в оговоренных рамках), был весьма шатким. Некоторые западные компартии в середине 1970-х гг. встали на идеологическую платформу «еврокоммунизма», которая в СССР была признана «антиреволюционной». Во время подготовительных встреч к Конференции коммунистических и рабочих партий Европы в Восточном Берлине (июнь 1976 г.) многие независимые западноевропейские партии, поддержанные Румынией и Югославией, упрямо сопротивлялись усилиям СССР навязать главную идеологическую линию, и в итоге Советский Союз был вынужден пойти на важные уступки<sup>99</sup>. После ввода советских войск в Афганистан





в 1979 г. итальянская компартия разорвала отношения с КПСС.

Причины недостаточного воздействия новой концепции советской идеологии на западные компартии состояли в высоком уровне социально-экономического развития капстран, в связи с чем некоторые западные коммунисты считали исторический опыт СССР просто ненужным. Кроме того, многие компартии развитых капстран были независимыми от КПСС, что давало им возможность по-своему трактовать марксизм без оглядки на советские идеологические установки.

В целом концепция «развитого социализма» была неспособна дать адекватный «отпор» новациям жизни на Западе – в первую очередь, переходу многих капстран к бесклассовому «государству всеобщего благосостояния».

В итоге концепция «развитого социализма» закрыла некоторые пути, которые открывались перед СССР в 1960-х гг. Во-первых, так как эта концепция продолжала базироваться на цели построения коммунизма и, соответственно, на максимальном расширении общественной (по факту – государственной) собственности, был закрыт путь к реформе экономики в плане отхода от административно-командной системы и введения рыночных механизмов. Во-вторых, признание «руководящей роли» КПСС официально закрыло путь к демократии, многопартийности и плюрализму. В-третьих, упор в этой концепции на развитие экономики с приоритетом машинной индустрии<sup>100</sup> снизил возможности перехода советского общества к постиндустриальной модели (хотя в СССР уже появились ее ростки<sup>101</sup>). Отсюда следовало и отставание в формировании «общества благосостояния».

Недостатки концепции «развитого социализма», сопряженные с объективными проблемами советской системы (в 1970-х гг. в СССР начались стагнация экономики и замедление роста уровня жизни), стали причинами того, что эта идеологическая концепция не смогла стать эффективной в долгосрочном плане. В итоге власти СССР так и не смогли найти выход из идеологического тупика. Таким образом, страна осталась и без работающей идеологии, и без роста экономики и уровня жизни, которые могли бы в какой-то мере «заместить» идеологический провал. Все это внесло свой вклад в крах советской системы.

## Примечания

<sup>1</sup> Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 104 (Фонд Г. Л. Смирнова). Оп. 1. Д. 28. Л. 2, 10.

<sup>2</sup> Там же. Ф. 5 (Аппарат ЦК КПСС). Оп. 33. Д. 216. Л. 14; Д. 241. Л. 10–11; Ф. 104. Оп. 1. Д. 25. Л. 20; Д. 28. Л. 1, 5; Д. 41. Л. 13, 16–17.

<sup>3</sup> Там же. Ф. 89 (Коллекция копий документов). Оп. 37. Д. 42–44; Ф. 104. Оп. 1. Д. 25. Л. 9–10; Д. 28. Л. 3, 5–6, 10.

<sup>4</sup> Там же. Ф. 104. Оп. 1. Д. 28. Л. 11–12.

<sup>5</sup> Там же. Ф. 104. Оп. 1. Д. 25. Л. 9–10; Д. 28. Л. 2–5.

<sup>6</sup> Там же. Ф. 5. Оп. 33. Д. 216. Л. 87; Д. 241. Л. 10; Оп. 34. Д. 118. Л. 61; Ф. 104. Оп. 1. Д. 28. Л. 3–5.

<sup>7</sup> Там же. Ф. 5. Оп. 33. Д. 224. Л. 102.

<sup>8</sup> Там же. Ф. 5. Оп. 50. Д. 673. Л. 41.

<sup>9</sup> «Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М.: МФД, 2010. С. 38.

<sup>10</sup> РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 224. Л. 106; Ф. 112. Оп. 1. Д. 9. Л. 335.

<sup>11</sup> Brzezinski Zbigniew. *Alternative to Partition: For a Broader Conception of America's Role in Europe*. New York; Toronto; London: McGraw-Hill Book Company, 1965. P. 74.

<sup>12</sup> РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 224. Л. 104–105, 107.

<sup>13</sup> McCauley Martin. *Marxism-Leninism in The German Democratic Republic: The Socialist Unity Party (SED)*. London: Macmillan Press, 1979. P. 137.

<sup>14</sup> РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 224. Л. 104, 110–111; Ф. 112. Оп. 1. Д. 9. Л. 90.

<sup>15</sup> «Пражская весна»... С. 3, 68, 111, 175, 362.

<sup>16</sup> Косолапов Р. И. «Идеи Мао Цзэ-дуна» – отречение от марксизма-ленинизма // *Философские науки*. 1968. № 4. С. 29.

<sup>17</sup> РГАНИ. Ф. 10 (Международные совещания и переговоры). Оп. 1. Д. 309. Л. 36–37.

<sup>18</sup> Там же. Ф. 5. Оп. 33. Д. 224. Л. 102, 108–110; Ф. 112 (Редакция журнала «Проблемы мира и социализма»). Оп. 1. Д. 9. Л. 85.

<sup>19</sup> Brzezinski Zbigniew. *Op. cit.* P. 9–10.

<sup>20</sup> РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 673. Л. 39–41; Д. 664. Л. 194; Ф. 10. Оп. 1. Д. 309. Л. 34; Ф. 104. Оп. 1. Д. 28. Л. 4.

<sup>21</sup> Там же. Ф. 5. Оп. 50. Д. 664. Л. 176; Д. 673. Л. 39; Ф. 10. Оп. 1. Д. 309. Л. 35.

<sup>22</sup> Там же. Ф. 112. Оп. 1. Д. 9. Л. 46.

<sup>23</sup> Meiklejohn Terry Sarah. *Theories of Social Development in Soviet – East European Relations // Soviet Policy in Eastern Europe*. New Haven; London: Yale University Press, 1984. P. 225–226.

<sup>24</sup> Брежнев Л. И. *Рабочие и дневниковые записи: в 3 т. / отв. ред. С. В. Кудряшов. Т. I: Леонид Брежнев. Рабочие и дневниковые записи. 1964–1981 гг. М.: Историческая Литература, 2016. С. 154.*

<sup>25</sup> McCauley Martin. *Op. cit.* P. 134–135.

<sup>26</sup> Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 606 (АОН при ЦК КПСС). Оп. 1. Д. 395. Л. 36.

<sup>27</sup> *Verfassung der Deutschen Demokratischen Republik vom 6. April 1968.*

<sup>28</sup> Ulbricht Walter. *Die Bedeutung des Werkes 'Das Kapital' von Karl Marx für die Schaffung des entwickelten gesellschaftlichen Systems des Sozialismus in der DDR und den Kampf gegen das staatsmonopolistische Herrschaftssystem in Westdeutschland*. Berlin: Dietz, 1970. S. 38.



- <sup>29</sup> Брежнев Л. И. Рабочие и дневниковые записи. Т. 1. С. 258.
- <sup>30</sup> McCauley Martin. Op. cit. P. 165.
- <sup>31</sup> Evans Alfred B., Jr. Soviet Marxism–Leninism : The Decline of Ideology. Westport, Ct – London : Praeger, 1993. P. 106.
- <sup>32</sup> РГАНИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 309. Л. 21; Ф. 112. Оп. 1. Д. 9. Л. 17.
- <sup>33</sup> «Скандинавская модель» общественного развития : реферативный сборник / отв. ред. и сост. К. Г. Горохова. М. : ИНИОН, 1988. С. 15.
- <sup>34</sup> От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. С. 398–399.
- <sup>35</sup> Brzezinski Zbigniew. Op. cit. P. 9–10.
- <sup>36</sup> См.: Иовчук Л. Социальные основы эволюции Итальянской социалистической партии // Социально-политические сдвиги в странах развитого капитализма. М. : Наука, 1971. С. 304.
- <sup>37</sup> См.: Константинова Т. П. Критика ревизионистских концепций Р. Гароди во французской коммунистической печати // Вестник Московского университета. Серия : Журналистика. 1972. № 4. С. 73.
- <sup>38</sup> Генеральный секретарь Л. И. Брежнев : 1964–1982 (Вестник Архива Президента. Специальное издание). М. : б. и., 2006. С. 60, 63
- <sup>39</sup> Там же. С. 63.
- <sup>40</sup> РГАНИ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 41. Л. 15–17.
- <sup>41</sup> Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВПРФ). Ф. 085 (Референтура по Дании). Оп. 50. П. 178. Д. 13. Л. 1.
- <sup>42</sup> См.: Стрекалов И. Н. Использование опыта несоциалистических стран при разработке Конституции СССР 1977 года // Государственная служба. 2017. Т. 19, № 5. С. 105.
- <sup>43</sup> Фадеева Т. Французский капитализм в поисках новой социальной доктрины (о некоторых тенденциях в идеологии буржуазных партий) // Социально-политические сдвиги в странах развитого капитализма. М. : Наука, 1971. С. 423, 431.
- <sup>44</sup> См.: Дмитренко В. П. Становление концепции развитого социализма в СССР // Вопросы истории. 1984. № 8. С. 8. С. 3–22.
- <sup>45</sup> Вестник Архива Президента... С. 75.
- <sup>46</sup> См.: Медведев Р., Ермаков Д. «Серый кардинал» М. А. Сулов : политический портрет. М. : Республика, 1992. С. 195.
- <sup>47</sup> РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 522. Л. 21, 24.
- <sup>48</sup> Дмитренко В. П. Указ. соч. С. 5, 9.
- <sup>49</sup> РГАНИ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 9. Л. 27.
- <sup>50</sup> См.: Бутенко А. П. Послесловие // Ирибаджаков Н. Развитое социалистическое общество. М. : Прогресс, 1974. С. 405.
- <sup>51</sup> Ирибаджаков Н. Развитое социалистическое общество. М. : Прогресс, 1974. С. 12–13.
- <sup>52</sup> Thompson, Terry L. Ideology and Policy : The Political Uses of Doctrine in the Soviet Union. Boulder ; San Francisco ; London : Westview Press, 1989. P. 26–28.
- <sup>53</sup> Дмитренко В. П. Указ. соч. С. 4.
- <sup>54</sup> Evans Alfred B. Developed Socialism and the New Programme of the CPSU // Ideology and Soviet Politics. London : Macmillan Press, 1988. P. 83.
- <sup>55</sup> Брежнев Л. И. Ленинским курсом : речи и статьи : в 9 т. Т. 2. М. : Политиздат, 1970. С. 92.
- <sup>56</sup> Вестник Архива Президента... С. 61, 82, 85.
- <sup>57</sup> В. И. Ленин и проблемы научного коммунизма / ред. коллегия : Федосеев П. Н. [и др.]. М. : Политиздат, 1969. С. 131–132.
- <sup>58</sup> Дудинский И. В. Коммунистические и рабочие партии об экономических проблемах развитого социализма // Вопросы истории. 1971. № 10. С. 11.
- <sup>59</sup> См.: Федосеев П. Диалектика развития социализма // Коммунист. 1965. № 14. С. 22.
- <sup>60</sup> РГАНИ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 16. Л. 287, 296.
- <sup>61</sup> См.: Смирнов Г. Л. XXIV съезд КПСС и формирование нового человека. М. : Знание, 1972. С. 47–48.
- <sup>62</sup> Дудинский И. В. Указ. соч. С. 11.
- <sup>63</sup> Бурацкий Ф. О строительстве развитого социалистического общества // Правда. 1966. 21 дек. С. 4.
- <sup>64</sup> РГАНИ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 28. Л. 1; Д. 41. Л. 18, 20.
- <sup>65</sup> См.: Дмитренко В. П. Указ. соч. С. 14.
- <sup>66</sup> Pravda Alex. Ideology and the Policy Process // Ideology and Soviet Politics. London : Macmillan Press, 1988. P. 241.
- <sup>67</sup> РГАНИ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 9. Л. 16.
- <sup>68</sup> Развитой социализм : проблемы теории и практики / Р. И. Косолапов, В. А. Печенев, В. С. Марков [и др.]. М. : Политиздат, 1979. С. 65.
- <sup>69</sup> См.: Брежнев Л. И. Рабочие и дневниковые записи. Т. 1. С. 200, 466.
- <sup>70</sup> РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 19. Л. 83.
- <sup>71</sup> Иовчук Л. Указ. соч. С. 305–306.
- <sup>72</sup> Сулов М. А. На путях строительства коммунизма : речи и статьи : в 2 т. М. : Политиздат, 1977. Т. 2. С. 157.
- <sup>73</sup> РГАНИ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 41. Л. 8, 10, 18–19.
- <sup>74</sup> В. И. Ленин и проблемы научного коммунизма. С. 127.
- <sup>75</sup> РГАНИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 309. Л. 11.
- <sup>76</sup> Там же. Ф. 2 (Пленумы ЦК КПСС). Оп. 3. Д. 157. Л. 1, 5; Ф. 104. Оп. 1. Д. 41. Л. 19–20.
- <sup>77</sup> Там же. Ф. 2. Оп. 3. Д. 157. Л. 8; Ф. 5. Оп. 61. Д. 31. Л. 29–30.
- <sup>78</sup> Ирибаджаков Н. Указ. соч. С. 13, 18, 22–24.
- <sup>79</sup> РГАНИ. Ф. 80 (Фонд Л. И. Брежнева). Оп. 1. Д. 100. Л. 7.
- <sup>80</sup> Там же. Ф. 104. Оп. 1. Д. 41. Л. 16.
- <sup>81</sup> Evans Alfred B. Developed Socialism and the New Programme of the CPSU. P. 97.
- <sup>82</sup> РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 417. Л. 15.
- <sup>83</sup> РГАНИ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 9. Л. 25.
- <sup>84</sup> Бутенко А. П. Указ. соч. С. 404.
- <sup>85</sup> Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи : в 9 т. М. : Политиздат, 1978. Т. 6. С. 627.
- <sup>86</sup> РГАНИ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 9. Л. 205.
- <sup>87</sup> РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 522. Л. 20.
- <sup>88</sup> РГАНИ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 27. Л. 8 об.; Д. 36. Л. 6, 8 об.
- <sup>89</sup> Дело всей партии : материалы Всесоюзного совещания идеологических работников. М. : Политиздат, 1979. С. 24–25, 27.



<sup>90</sup> См.: Дмитренко В. П. Указ. соч. С. 20.

<sup>91</sup> См.: Сталин И. Экономические проблемы социализма в СССР. М. : Госполитиздат, 1952. С. 66, 70.

<sup>92</sup> РГАНИ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 9. Л. 65, 67, 78, 92, 278; Д. 16. Л. 14, 17–18, 150, 203.

<sup>93</sup> Историческое место социализма, этапы и критерии его развития // Проблемы мира и социализма. 1970. № 12. С. 37–59.

<sup>94</sup> РГАНИ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 16. Л. 287, 296.

<sup>95</sup> Там же. Ф. 104. Оп. 1. Д. 41. Л. 13, 16.

<sup>96</sup> Там же. Ф. 104. Оп. 1. Д. 25. Л. 12–13; Д. 35. Л. 24; Д. 41. Л. 14.

<sup>97</sup> Там же. Ф. 112. Оп. 1. Д. 16. Л. 266.

<sup>98</sup> См.: Наметкевич В. Шовинистическая подоплека «теории трех миров» // Проблемы мира и социализма. 1978. № 11. С. 50–51.

<sup>99</sup> Larrabee F. Stephen. Soviet Policy toward Eastern Europe : Interests, Instruments and Trends // Soviet Foreign Policy in a Changing World. New York : Aldine Publishing Company, 1986. P. 545.

<sup>100</sup> См.: В. И. Ленин и проблемы научного коммунизма. С. 136.

<sup>101</sup> См.: Бузгалин А. В. Социально-политическая система «реального социализма» и ее саморефлексия. Три текста // «Застой». Потенциал СССР накануне распада. М. : Культурная революция, 2011. С. 24.

Поступила в редакцию 25.09.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 10.11.2021  
The article was submitted 25.09.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 10.11.2021